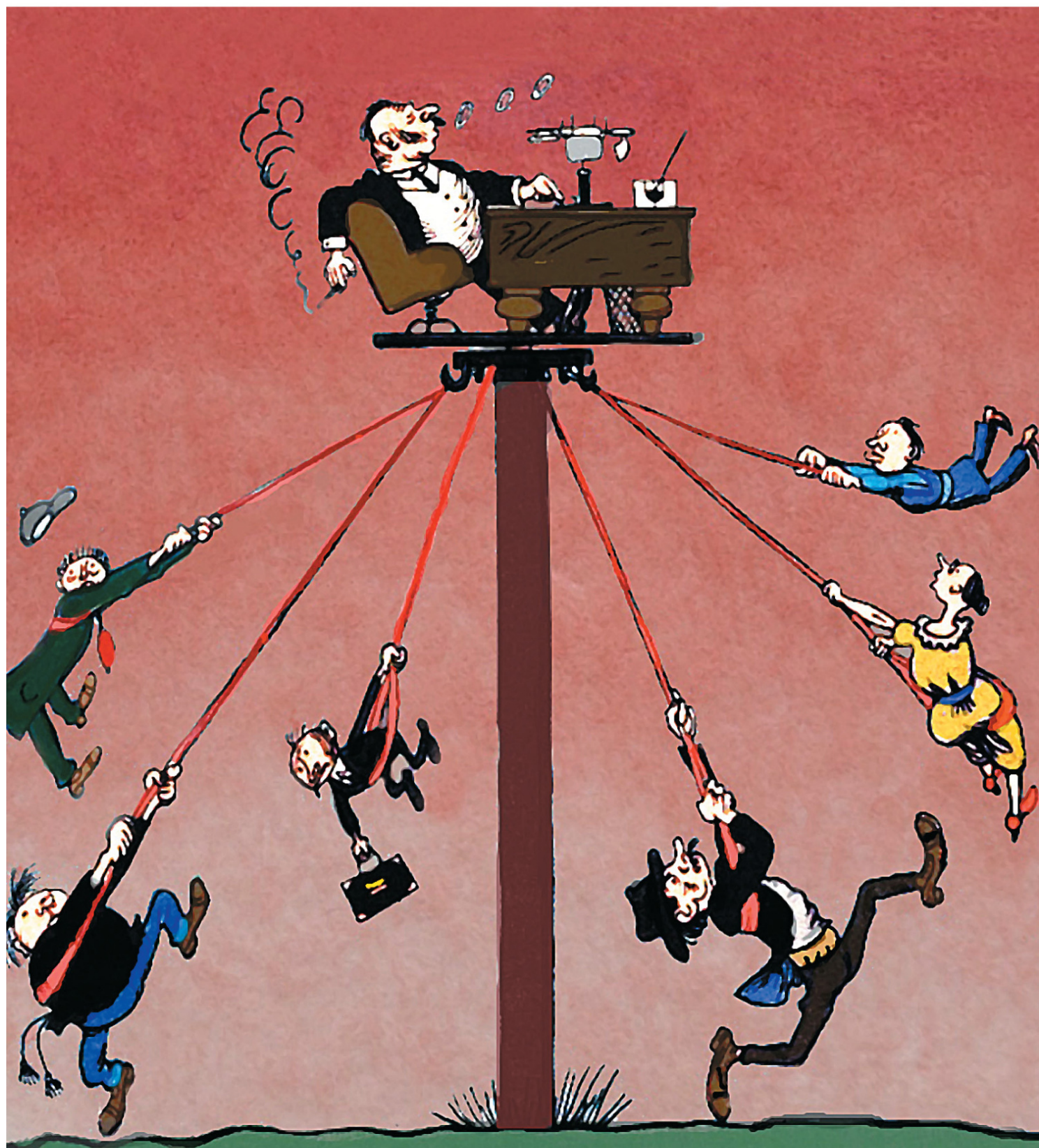

А.Т. Аверченко, М. М. Зощенко, Тэффи
ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Аркадий Аверченко

Юмористические рассказы

«Художественная литература»

2023

УДК 882
ББК 84Р1

Аверченко А. Т.

Юмористические рассказы / А. Т. Аверченко —
«Художественная литература», 2023

ISBN 978-5-280-03958-2

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1925) – замечательный русский писатель, драматург, театральный критик, редактор легендарного петербургского журнала «Сатирикон», стал важнейшим явлением в культуре Серебряного века. Его юмористические и сатирические произведения интересны тем, что показывают общество начала XX века со всеми его недостатками и пороками. И поднимаемые проблемы, несмотря на сменившуюся эпоху, остаются актуальными и по сей день. Произведения Михаила Михайловича Зощенко (1895–1958) имели большое значение не только для развития сатирико-юмористической литературы в 20–30-е годы. Его творчество стало значительным общественным явлением, моральный авторитет сатиры и ее роль в социально-нравственном воспитании благодаря Зощенко необычайно возросли. Произведения Тэффи, Надежды Александровны Лохвицкой (1872–1952), веселые и грустные, всегда остроумны и беззлобны, наполнены любовью к персонажам, пониманием человеческих слабостей, состраданием к бедам простых людей. Наградой за это стала всеобщая народная любовь. Юмористическими рассказами Тэффи зачитывались буквально и во дворцах, и в хижинах. Ее талант высоко ценили лучшие писатели-современники наряду с простыми обывателями, которых Тэффи так любила выводить в своих историях.

УДК 882
ББК 84Р1

ISBN 978-5-280-03958-2

© Аверченко А. Т., 2023

© Художественная литература, 2023

Содержание

«Король смеха» и «Барабанщик литературы» Аркадий Аверченко	7
Аркадий Аверченко	10
Поэт	10
Неизлечимые	13
Рыцарь индустрии	15
История болезни Иванова	18
Октябрист Чикалкин	21
Робинзоны	23
Четверг	26
Виктор Поликарпович	31
Сазонов	34
Опора порядка	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**А. Т. Аверченко, М. М.
Зощенко, Н. А. Тэффи
Юмористические рассказы**

© М.Зощенко. Текст, наследники, 2023

© Оформление А. О. Муравенко, 2023

© Издательство «Художественная литература», 2023

* * *

«Король смеха» и «Барабанщик литературы» Аркадий Аверченко

«Еще за пятнадцать минут до рождения я не знал, что появлюсь на белый свет. Это само по себе пустячное указание я делаю лишь потому, что желаю опередить на четверть часа всех других замечательных людей, жизнь которых с утомительным однообразием описывалась непременно с момента рождения».

«Еще за пятнадцать минут до рождения я не знал, что появлюсь на белый свет. Это само по себе пустячное указание я делаю лишь потому, что желаю опередить на четверть часа всех других замечательных людей, жизнь которых с утомительным однообразием описывалась непременно с момента рождения».

Так в 1910 году в сборнике «Веселые устрицы» начал изложение своей биографии Аркадий Аверченко.

Родился он в городе Севастополе 18 марта 1881 года.

Знакомя читателей со своей биографией, Аркадий Тимофеевич любил указывать им еще и на тот факт, что в день его появления на свет звонили в колокола и вообще было народное ликование. Правда, злые языки связывали это ликование каким-то большим религиозным праздником. «...Но я, – искренне удивлялся юморист, – до сих пор не понимаю, при чем здесь еще какой-то праздник?»

Материальное благополучие не грозило семье будущего писателя.

Незадачливый предприниматель Аверченко-старший не обращал на сына никакого внимания, так как – по свидетельству последнего – по горло был занят своими собственными хлопотами и планами: каким бы образом поскорее разориться?

«Это было мечтой его жизни, и нужно отдать ему полную справедливость – добрый старик достиг своих стремлений самым добросовестным способом. Он это делал при соучастии целой плеяды воров, которые обворовывали его магазин, покупателей, которые брали исключительно и планомерно в долг, и – пожаров, испепелявших те из отцовских товаров, которые не были растащены ворами и покупателями».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже с пятнадцати лет Аверченко-сын вынужден был пойти на службу – младшим писцом в транспортной конторе по перевозке кладей.

Прослужил он там недолго и в шестнадцать лет уехал из родного Севастополя в поселок Исаевский, на каменноугольные рудники.

«Это было для меня наименее подходящим, – вспоминал он впоследствии, – и потому, вероятно, я и очутился там по совету своего опытного в житейских передрягах отца...

Это был самый грязный и глухой рудник в свете. Между осенью и другими временами года разница заключалась лишь в том, что осенью грязь там была выше колен, а в другое время – ниже».

Вообще Аверченко невероятно скуп на воспоминания о своей юности, что не удивительно, настолько все они безотрадны.

«Однажды я ехал перед Рождеством, – пишет он, – с рудника в ближайшее село и видел ряд черных тел, лежавших без движения на всем протяжении моего пути; попадались по двое, по трое через каждые 20 шагов.

– Что это такое? – изумился я.

– А шахтеры, – улыбнулся сочувственно возница. – Горилку куповали у селе. Для божьего праздничку.

– Ну?

– Тай не донесли. На мисти высоктали. Ось как!»

«...И лежали они в снегу, с черными бессмысленными лицами, и если бы я не знал дороги до села, то нашел бы ее по этим гигантским черным камням, разбросанным гигантским Мальчиком-с-пальчиком по всему пути».

Позже вместе с правлением рудников Аверченко переезжает в Харьков. Именно там, в Харькове, в 1903 году он начинает свою литературную деятельность: в газете «Южный край» появляется его первый рассказ «Как мне пришлось застраховать свою жизнь» – слабый вариант позднейшего остроумного рассказа о назойливом коммивояжере «Рыцарь индустрии». Однако определиться как профессиональному литератору и журналисту Аверченко помогла первая русская революция.

Она вызвала небывалый доселе в стране спрос на обличительную и сатирическую литературу. Именно в 1905–1907 годах появляются десятки журналов и еженедельных листков, таких как «Зритель», «Сигнал», «Пулемет», «Молот», обличающие наиболее уродливые стороны политической жизни.

Увлечшись, молодой литератор совершенно забрасывает службу: «лихорадочно писал я, рисовал карикатуры, редактировал и корректировал, и на девятом номере дорисовался до того, что генерал-губернатор Пешков оштрафовал меня на 500 рублей, мечтая, что я немедленно заплачу их из карманных денег.

Я отказался по многим причинам, главные из которых были: отсутствие денег...

Одним словом, начинающий писатель вынужден был перебираться в Петербург.

В северной столице юмористу пришлось довольствоваться беззубой «Стрекозой» М. Г. Корнфельда.

Знаменитая в свое время «Стрекоза», смешившая в течение четверти века купечество, после 1905 года уже почти никем не читалась.

Вместо нее в конце 1907 года группа сотрудников газеты «Свободные мысли» во главе с А. Т. Аверченко решила организовать новый сатирико-юмористический журнал «Сатириконе». В «Сатириконе» блестяще проявилась уникальная способность Аверченко-редактора объединить вокруг общего дела подлинно талантливых людей.

В журнале сотрудничали художники: Реми (Н. Ремизов), Яковлев, А. Радаков, А. Юнгер, Н. Альтман; юмористы – Тэффи (Н. Бучинская) и О. Дымов; поэты – Саша Черный, С. Горо-

децкий, О. Мандельштам, В. Маяковский; прозаики – Л. Андреев, А. Куприн, А. Толстой, А. Грин...

Сам Аркадий Аверченко безраздельно царствовал в литературном отделе журнала. Он вполне проявил свою поразительную плодовитость и работоспособность, был просто вездесущ: передовицы и фельетоны, заметки и репортажи, переписка «Почтового ящика»...

Медуза Горгона, Фальстаф, Волк, Аве, Фома Опискин... – это всё тот же Аверченко.

К нему быстро пришло самое широкое и безусловное признание – признание массового читателя. Он ежегодно издает сборник своих рассказов. По подсчетам исследователей, за десятилетие с 1908 года Аверченко издал более сорока сборников, наиболее удачные из которых выдержали за это время до двадцати переизданий. Писатель мастерски умел переходить от мягкого юмора к убийственной сатире. Не случайно Аверченко называли то «красным солнышком» – за мягкость, то «барабанщиком литературы» – за точность характеристик.

Запрещение журнала в августе 1918 года стало последней вехой, приведшей писателя в эмиграцию, а затем и к тому, что сам он назвал «кубарем по Европам».

«Когда нет быта, с его знакомым уютом, с его традициями – скучно жить, холодно жить...» – сетует писатель.

В августе 1918 он уезжает на Украину, затем в Крым (Севастополь), где до конца 1920 года пишет для газет и театра. Пройдя через довольно короткий и неудачный опыт газетной работы (он издавал газету «Юг России»), Аверченко 15 ноября 1920 года эмигрирует через Константинополь в Прагу. Как сатирик он гастролирует потом по многим городам Европы. Его рассказы появляются в Берлине, Праге, Варшаве, Париже.

Правда, это уже во многом другие рассказы, а их автор – другой Аверченко. Очевидцы свидетельствуют, что Аркадий Тимофеевич «болел смертельной тоской по России».

– Тяжело как-то стало писать, – признавался он. – Не пишется. Как будто не на настоящем стою...

12 марта 1925 года в пражской городской больнице Аверченко скончался от болезни сердца. Скончался на чужбине, далеко от родного Черного моря, не дожив нескольких дней до своего 44-летия. Прах русского «короля смеха» покоится на Ольшанском кладбище...

Аркадий Аверченко Рассказы

Поэт

– Господин редактор, – сказал мне посетитель, смущенно потупив глаза на свои ботинки, – мне очень совестно, что я беспокою вас. Когда я подумаю, что отнимаю у вас минутку драгоценного времени, мысли мои ввергаются в пучину мрачного отчаяния... Ради бога, простите меня!

– Ничего, ничего, – ласково сказал я, – не извиняйтесь.

Он печально свесил голову на грудь.

– Нет, что уж там... Знаю, что обеспокоил вас. Для меня, не привыкшего быть назойливым, это вдвойне тяжело.

– Да вы не стесняйтесь! Я очень рад. К сожалению, только ваши стишки не подошли.

– Э?

Разинув рот, он изумленно посмотрел на меня.

– Эти стишки не подошли?!

– Да, да. Эти самые.

– Эти стишки?! Начинающиеся:

*Хотел бы я ей черный локон
Каждое утро чесать
И, чтоб не гневался Аполлон,
Ее власы целовать...*

Эти стихи, говорите вы, не пойдут?!

– К сожалению, должен сказать, что не пойдут именно эти стихи, а не какие-нибудь другие. Именно начинающиеся словами:

Хотел бы я ей черный локон...

– Почему же, господин редактор? Ведь они хорошие.

– Согласен. Лично я очень ими позабавился, но... для журнала они не подходят.

– Да вы бы их еще раз прочли!

– Да зачем же? Ведь я читал.

– Еще разик!

Я прочел в угоду посетителю еще разик и выразил одной половиной лица восхищение, а другой – сожаление, что стихи все-таки не подойдут.

– Гм... Тогда позвольте их... Я прочту! «Хотел бы я ей черный локон...»

Я терпеливо выслушал эти стихи еще раз, но потом твердо и сухо сказал:

– Стихи не подходят.

– Удивительно. Знаете что: я вам оставлю рукопись, а вы после вчитайтесь в нее. Вдруг да подойдет.

– Нет, зачем же оставлять?!

– Право, оставлю. Вы бы посоветовались с кем-нибудь, а?

– Не надо. Оставьте их у себя.

- Я в отчаянии, что отнимаю у вас секундочку времени, но...
- До свиданья!

Он ушел, а я взялся за книгу, которую читал до этого. Развернув ее, я увидел положенную между страниц бумажку.

Прочел:

*Хотел бы я ей черный локон...
Каждое утро чесать
И, чтобы не гневался Аполл...*

– Ах, черт его возьми! Забыл свою белиберду... Опять будет шляться! Николай! Догони того человека, что был у меня, и отдай ему эту бумагу.

Николай помчался вдогонку за поэтом и удачно выполнил мое поручение.

В пять часов я поехал домой обедать.

Расплачиваясь с извозчиком, сунул руку в карман пальто и нащупал там какую-то бумажку, неизвестно как в карман попавшую.

Вынул, развернул и прочел:

*«Хотел бы я ей черный локон
Каждое утро чесать
И, чтоб не гневался Аполлон,
Ее власы целовать...»* и т. д.

Недоумевая, как эта штука попала ко мне в карман, я пожал плечами, выбросил ее на тротуар и пошел обедать.

Когда горничная внесла суп, то, помявшись, подошла ко мне и сказала:

- Кухарка чичас нашла на полу кухни бумажку с написанным. Может, нужное.
- Покажи.

Я взял бумажку и прочел:

– «Хотел бы я ей черный ло...» Ничего не понимаю! Ты говоришь, в кухне, на полу? Черт его знает... Кошмар какой-то!

Я изорвал странные стихи в клочья и в скверном настроении сел обедать.

- Чего ты такой задумчивый? – спросила жена.

– Хотел бы я ей черный ло... Фу-ты черт!! Ничего, милая. Устал я.

За десертом в передней позвонили и вызвали меня... В дверях стоял швейцар и таинственно манил меня пальцем.

- Что такое?

– Тсс... Письмо вам! Велено сказать, что от одной барышни... Что оне очень, мол, на вас надеются и что вы их ожидания удовлетворите!..

Швейцар дружелюбно подмигнул мне и хихикнул в кулак.

В недоумении я взял письмо и осмотрел его. Оно пахло духами, было запечатано розовым сургучом, а когда я, пожав плечами, распечатал его, там оказалась бумажка, на которой было написано:

«Хотел бы я ей черный локон...»

Все от первой до последней строчки.

В бешенстве изорвал я письмо в клочья и бросил на пол. Из-за моей спины выдвинулась жена и в зловещем молчании подобрала несколько обрывков письма.

– От кого это?

– Брось! Это так... глупости. Один очень надоедливый человек.

– Да? А что это тут написано?.. Гм... «Целовать»... «каждое утро»... «черты... локон...»

Негодяй!

В лицо мне полетели клочки письма. Было не особенно больно, но обидно.

Так как обед был испорчен, то я оделся и, печальный, пошел побродить по улицам. На углу я заметил около себя мальчишку, который вертелся у моих ног, пытаюсь всунуть в карман пальто что-то беленькое, сложенное в комочек. Я дал ему тумака и, заскрежетав зубами, убежал.

На душе было тоскливо. Потолкавшись по шумным улицам, я вернулся домой и на пороге парадных дверей столкнулся с нянкой, которая возвращалась с четырехлетним Володей из кинематографа.

– Папочка! – радостно закричал Володя. – Меня дядя держал на руках! Незнакомый... дал шоколадку... бумажечку дал... Передай, говорит, папе. Я, папочка, шоколадку съел, а бумажечку тебе принес.

– Я тебя высеку, – злобно закричал я, вырывая из его рук бумажку со знакомыми словами: «Хотел бы я ей черный локон»... – Ты у меня будешь знать!..

Жена встретила меня пренебрежительно и с презрением, но все-таки сочла нужным сообщить:

– Был один господин здесь без тебя. Очень извинялся за беспокойство, что принес рукопись на дом. Он оставил ее тебе для прочтения. Наговорил мне массу комплиментов (вот это настоящий человек, умеющий ценить то, что другие не ценят, меня *это то* на продажных тварей) и просил замолвить словечко за его стихи. По-моему, что ж, стихи как стихи... Ах! Когда он читал о локонах, то так смотрел на меня...

Я пожал плечами и пошел в кабинет. На столе лежало знакомое мне желание автора целовать чьи-то волосы. Это желание я обнаружил и в ящике с сигарами, который стоял на этажерке. Затем это желание было обнаружено внутри холодной курицы, которую с обеда осудили служить нам ужином. Как это желание туда попало, кухарка толком объяснить не могла.

Желание чесать чьи-то волосы было усмотрено мной и тогда, когда я откинул одеяло с целью лечь спать. Я поправил подушку. Из нее выпало то же желание.

* * *

Утром после бессонной ночи я встал и, взявши вычищенные кухаркой ботинки, попытаться натянуть их на ноги, но не мог, так как в каждом лежало по идиотскому желанию целовать чьи-то волосы.

Я вышел в кабинет и, севши за стол, написал издателю письмо с просьбой об освобождении меня от редакторских обязанностей.

Письмо пришлось переписывать, так как, сворачивая его, я заметил на обороте знакомый почерк:

«Хотел бы я ей черный локон...»

Неизлечимые

«Спрос на порнографическую литературу упал. Публика начинает интересоваться сочинениями по истории и естествознанию».
(«Книжн. известия»)

Писатель Кукушкин вошел, веселый, радостный, к издателю Залежалову и, усмехнувшись, ткнул его игриво кулаком в бок.

– В чем дело?

– Вещь!

– Которая?

– Ага! Разгорелись глазки? Вот тут у меня лежит в кармане. Если будете паинькой в рассуждении аванса – так и быть, отдам!

Издатель нахмурил брови.

– Повесть?

– Она. Ха-ха! То есть такую машину закрутил, такую, что небо содрогнется! Вот вам наудачу, две-три выдержки.

Писатель развернул рукопись.

«...Темная мрачная шахта поглотила их. При свете лампочки была видна полная, волнующаяся грудь Лидии и ее упругие бедра, на которые Гремин смотрел жадным взглядом. Не помня себя, он судорожно прижал ее к груди, и все заверте...»

– Еще что? – сухо спросил издатель.

– Еще я такую штучку вывернул: «Дирижабль плавно взмахнул крыльями и взлетел... На руле сидел Маевич и жадным взором смотрел на Лидию, полная грудь которой волновалась и упругие выпуклые бедра дразнили своей близостью. Не помня себя, Маевич бросил руль, остановил пружину, прижал ее к груди, и все заверте...»

– Еще что? – спросил издатель так сухо, что писатель Кукушкин в ужасе и смятении посмотрел на него и опустил глаза.

– А... еще... вот... Ззззб... бавно! «Линевич и Лидия, стесненные тяжестью водолазных костюмов, жадно смотрели друг на друга сквозь круглые стеклянные окошечки в головных шлемах... Над их головами шмыгали пароходы и броненосцы, но они не чувствовали этого. Сквозь неуклюжую, мешковатую одежду водолаза Линевич угадывал полную волнующуюся грудь Лидии и ее упругие выпуклые бедра. Не помня себя, Линевич взмахнул в воде руками, бросился к Лидии, и все заверте...»

– Не надо, – сказал издатель.

– Что не надо? – вздрогнул писатель Кукушкин.

– Не надо. Идите, идите с богом.

– В-вам... не нравится? У... у меня другие места есть... Внучек увидел бабушку в купальне... А она еще была молодая...

– Ладно, ладно. Знаем! «Не помня себя он бросился к ней, схватил ее в объятия, и все заверте...»

– Откуда вы узнали? – ахнул, удивившись, писатель Кукушкин. – Действительно, так и есть у меня.

– Штука нехитрая. Младенец догадается! Теперь это, брат Кукушкин, уже не читается. Ау! Ищи, брат Кукушкин, новых путей.

Писатель Кукушкин с отчаянием в глазах почесал затылок и огляделся:

– А где тут у вас корзина?

– Вот она, – указал издатель.

Писатель Кукушкин бросил свою рукопись в корзину, вытер носовым платком мокрое лицо и лаконично спросил:

– О чем нужно?

– Первее всего теперь читается естествознание и исторические книги. Пиши, брат Кукушкин, что-нибудь там о боярах, о жизни мух разных...

– А аванс дадите?

– Под боярина дам. Под муху дам. А под упругие бедра не дам! И под «все завертелось» не дам!!!

– Давайте под муху, – вздохнул писатель Кукушкин.

* * *

Через неделю издатель Залежалов получил две рукописи. Были они такие:

I. Боярская проруха

Боярышня Лидия, сидя в своем тереме старинной архитектуры, решила ложиться спать. Сняв с высокой волнующейся груди кокошник, она стала стягивать с красивой полной ноги сарафан, но в это время распахнулась старинная дверь и вошел молодой князь Курбский.

Затуманенным взором, молча, смотрел он на высокую волнующуюся грудь девушки и ее упругие выпуклые бедра.

– Ой, ты, гой, еси, – воскликнул он на старинном языке того времени.

– Ой, ты, гой, еси, исполать тебе, добрый молодец! – воскликнула боярышня, падая князю на грудь, и – все заверте...

II. Мухи и их привычки (*Очерки из жизни насекомых*)

Небольшая стройная муха с высокой грудью и упругими бедрами ползла по откосу запыленного окна.

Звали ее по-мушиному – Лидия.

Из-за угла вылетела большая черная муха, села против первой и с еле сдерживаемым порывом страсти стала потирать над головой стройными мускулистыми лапками. Высокая волнующаяся грудь Лидии ударила в голову черной мухи чем-то пьянящим... Простерши лапки, она крепко прижала Лидию к своей груди, и все заверте...

Рыцарь индустрии

Мое первое с ним знакомство произошло после того, как он, вылетев из окна второго этажа, пролетел мимо окна первого этажа, где я в то время жил, – и упал на мостовую.

Я выглянул из своего окна и участливо спросил неизвестного, потиравшего ушибленную спину:

– Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезным?

– Почему не можете? – добродушно кивнул он головой, в то же время укоризненно погрозив пальцем по направлению окна второго этажа. – Конечно же, можете.

– Зайдите ко мне в таком случае, – сказал я, отходя от окна.

Он вошел веселый, улыбающийся. Протянул мне руку и сказал:

– Цацкин.

– Очень рад. Не ушиблись ли вы?

– Чтобы сказать вам – да, так – нет! Чистейшей воды пустяки.

– Наверное, из-за какой-нибудь хорошенькой женщины? – подмигивая, спросил я. – Хе-хе.

– Хе-хе! А вы, вероятно, любитель этих сюжетцев, хе-хе?! Не желаете ли – могу предложить серию любопытных открыточек? Немецкий жанр! Понимающие люди считают его выше французского.

– Нет, зачем же, – удивленно возразил я, всматриваясь в него. – Послушайте... ваше лицо кажется мне знакомым. Это не вас ли вчера какой-то господин толкнул с трамвая?..

– Ничего подобного! Это было третьего дня. А вчера меня спустили с черной лестницы по вашей же улице. Но, правду сказать, какая это лестница? Какие-то семь паршивых ступенек.

Заметив мой недоумевающий взгляд, господин Цацкин потупился и укоризненно сказал:

– Все это за то, что я хочу застраховать им жизнь. Хороший народ: я хлопочу об их жизни, а они суетятся о моей смерти.

– Так вы – агент по страхованию жизни? – сухо сказал я. – Чем же я могу быть вам полезен?

– Вы мне можете быть полезны одним малюсеньким ответиком на вопрос: как вы хотите у нас застраховаться – на дожитие или с уплатой премии вашим близким после – дай вам бог здоровья – вашей смерти?

– Никак я не хочу страховаться, – замотал я головой. – Ни на дожитие, ни на что другое. А близких у меня нет... Я одинок.

– А супруга?

– Я холост.

– Так вам нужно жениться – очень просто! Могу вам предложить девушку – пальчики оближете! Двенадцать тысяч приданого, отец две лавки имеет! Хотя брат шарлатан, но она такая брюнетка, что даже удивительно. Вы завтра свободны? Можно завтра же и поехать посмотреть. Сюртук, белый жилет. Если нет – можно купить готовые. Адрес – магазин «Оборот»... Наша фирма...

– Господин Цацкин, – возразил я. – Ей-богу же, я не хочу и не могу жениться! Я вовсе не создан для семейной жизни...

– Ой! Не созданы? Почему? Может, вы до этого очень шумно жили? Так вы не бойтесь... Это суший, поправимый пустяк. Могу предложить вам средство, которое несет собою радость каждому меланхоличному мужчине. Шесть тысяч книг бесплатно! Имеем массу благодарностей! Пробный флакончик...

– Оставьте ваши пробные флакончики при себе, – раздражительно сказал я. – Мне их не надо. Не такая у меня наружность, чтобы внушить к себе любовь. На голове порядочная лысина, уши оттопырены, морщины, маленький рост...

– Что такое лысина? Если вы помажете ее средством нашей фирмы, которой я состою представителем, так обрастете волосами, как, извините, кокосовый орех! А морщины, а уши? Возьмите наш усовершенствованный аппарат, который можно надевать ночью... Всякие уши как рукой снимет! Рост? Наш гимнастический прибор через каждые шесть месяцев увеличивает рост на два вершка. Через два года вам уже можно будет жениться, а через пять лет вас уже можно будет показывать! А вы мне говорите – рост...

– Ничего мне не нужно! – сказал я, сжимая виски. – Простите, но вы мне действуете на нервы...

– На нервы? Так он молчит!.. Патентованные холодные души, могущие складываться и раскладываться! Есть с краном, есть с разбрызгивателем. Вы человек интеллигентный и очень мне симпатичный... Поэтому могу посоветовать взять лучше разбрызгиватель. Он дороже, но...

Я схватился за голову.

– Чего вы хватаетесь? Голова болит? Вы только скажите: сколько вам надо тюбиков нашей пасты «Мигренин» – фирма уж сама доставит вам на дом...

– Извините, – сказал я, закусывая губу, – но прошу оставить меня. Мне некогда. Я очень устал, а мне предстоит утомительная работа – писать статью...

– Утомительная? – сочувственно спросил господин Цацкин. – Я вам скажу – она утомительна потому, что вы до сих пор не приобрели нашего раздвижного пюпитра для чтения и письма! Нормальное положение, удобный наклон... За две штуки семь рублей, а за три – десять...

– Пошел вон! – закричал я, дрожа от бешенства. – Или я проломлю тебе голову этим пресс-папье!!

– Этим пресс-папье? – презрительно сказал господин Цацкин, ощупывая пресс-папье на моем письменном столе. – Этим пресс-папье... Вы на него дуньте – оно улетит! Нет, если вы хотите иметь настоящее тяжелое пресс-папье, так я вам могу предложить целый прибор из малахита...

Я нажал кнопку электрического звонка.

– Вот сейчас придет человек – прикажу ему вывести вас!

Скорбно склонив голову, господин Цацкин сидел и молчал, будто ожидая исполнения моего обещания. Прошло две минуты. Я позвонил снова.

– Хорошие звонки, нечего сказать, – покачал головой господин Цацкин. – Разве можно такие безобразные звонки иметь, которые не звонят. Позвольте вам предложить звонки с установкой и элементами за семь рублей шестьдесят копеек. Изящные звонки...

Я вскочил, схватил господина Цацкина за рукав и потащил к выходу.

– Идите! Или у меня сейчас будет разрыв сердца...

– Это не дай бог, но вы не беспокойтесь! Мы вас довольно прилично похороним по второму разряду. Правда, не будет той пышности, как первый, но катафалк...

Я захлопнул за господином Цацкиным дверь, повернул в замке ключ и вернулся к столу. Через минуту я обратил внимание, что дверная ручка зашевелилась, дверь вздрогнула от осторожного напора и – распахнулась. Господин Цацкин робко вошел в комнату и, прищурясь, сказал:

– В крайнем случае могу вам доложить, что ваши дверные замки никуда не годятся... Они отворяются от простого нажима! Хорошие английские замки вы можете иметь через меня – один прибор два рубля сорок копеек, за три – шесть рублей пятьдесят копеек, а пять штук...

Я вынул из ящика письменного стола револьвер и, заскрежетав зубами, закричал:

– Сейчас я буду стрелять в вас!

Господин Цацкин с довольной миной улыбнулся и ответил:

– Я буду очень рад, так как это даст вам возможность убедиться в превосходном качестве панциря от пуль, который надет на мне для образца и который могу вам предложить. Одна штука – восемнадцать рублей, две дешевле, три еще дешевле. Прошу вас убедиться!..

Я отложил револьвер и, схватив господина Цацкина поперек туловища, с бешеным ревом выбросил в окно. Падая, он успел крикнуть мне:

– У вас очень непрактичные запонки на манжетах! Острые углы, рвущие платье и оцарапавшие мне щеку. Могу предложить африканского золота с инкрустацией, пара два рубля, три пары де...

Я захлопнул окно.

История болезни Иванова

Однажды беспартийный житель Петербурга Иванов вбежал, бледный, растерянный, в комнату жены и, выронив газету, схватился руками за голову.

– Что с тобой? – спросила жена.

– Плохо! – сказал Иванов. – Я левею.

– Не может быть! – ахнула жена. – Это было бы ужасно... тебе нужно лечь в постель, укрыться теплым и натереться скипидаром.

– Нет... что уж скипидар! – покачал головой Иванов и посмотрел на жену блуждающими, испуганными глазами. – Я левею!

– С чего же это у тебя, горе ты мое?! – простонала жена.

– С газеты. Встал я утром – ничего себе, чувствовал все время беспартийность, а взял случайно газету...

– Ну?

– Смотрю, а в ней написано, что в Минске губернатор запретил читать лекцию о добычании азота из воздуха... И вдруг – чувствую я, что мне его не хватает...

– Кого это?

– Да воздуху же!.. Подкатило под сердце, оборвалось, дернуло из стороны в сторону... Ой, думаю, что бы это? Да тут же и понял: левею!

– Ты б молочка выпил... – сказала жена, заливаясь слезами.

– Какое уж там молочко... Может, скоро баланду хлебать буду!

Жена со страхом посмотрела на Иванова.

– Левеешь?

– Левею...

– Может, доктора позвать?

– При чем тут доктор?!

– Тогда, может, пристава пригласить?

Как все почти больные, которые не любят, когда посторонние подчеркивают опасность их положения, Иванов тоже нахмурился, засопел и недовольно сказал:

– Я уж не так плох, чтобы пристава звать. Может быть, отойду.

– Дай-то бог, – всхлипнула жена.

Иванов лег в кровать, повернулся лицом к стене и замолчал. Жена изредка подходила к дверям спальни и прислушивалась. Было слышно, как Иванов, лежа на кровати, левел.

* * *

Утро застало Иванова осунувшимся, похудевшим... Он тихонько пробрался в гостиную, схватил газету и, убежав в спальню, развернул свежий газетный лист.

Через пять минут он вбежал в комнату жены и дрожащими губами прошептал:

– Еще полевел! Что оно будет – не знаю!

– Опять небось газету читал, – вскочила жена. – Говори! Читал?

– Читал... В Риге губернатор оштрафовал газету за указание очагов холеры...

Жена заплакала и побежала к тестю.

– Мой-то... – сказала она, ломая руки. – Левеет.

– Быть не может?! – воскликнул тесть.

– Верное слово. Вчерась с утра был здоров, беспартийность чувствовал, а потом оборвалась печенка и полевел!

– Надо принять меры, – сказал тесть, надевая шапку. – Ты у него отними и спрячь газеты, а я забегу в полицию, заявку господину приставу сделаю.

* * *

Иванов сидел в кресле, мрачный, небритый, и на глазах у всех левел. Тесть с женой Иванова стояли в углу, молча смотрели на Иванова, и в глазах их сквозили ужас и отчаяние.

Вошел пристав. Он потер руки, вежливо раскланялся с женой Иванова и спросил мягким баритоном:

– Ну, как наш дорогой больной?

– Левее!

– А-а! – сказал Иванов, поднимая на пристава мутные, больные глаза. – Представитель отживающего полицейско-бюрократического режима! Нам нужна закономерность...

Пристав взял его руку, пощупал пульс и спросил:

– Как вы себя сейчас чувствуете?

– Мирнообновленцем!

Пристав потыкал пальцем в голову Иванова:

– Не готово еще... Не созрел! А вчера как вы себя чувствовали?

– Октябристом, – вздохнул Иванов. – До обеда – правым крылом, а после обеда – левым...

– Гм... плохо! Болезнь прогрессирует сильными скачками...

Жена упала тестю на грудь и заплакала.

– Я, собственно, – сказал Иванов, – стою за принудительное отчуждение частновладельч...

– Позвольте! – удивился пристав. – Да это кадетская программа...

Иванов с протяжным стоном схватился за голову.

– Значит... я уже кадет!

– Все левее?

– Левею. Уходите! Уйдите лучше... А то я на вас все смотрю и левею.

Пристав развел руками... Потом на цыпочках вышел из комнаты. Жена позвала горничную, швейцара и строго запретила им приносить газеты. Взяла у сына томик «Робинзона Крузо» с раскрашенными картинками и понесла мужу.

– Вот... почитай. Может, отойдет.

* * *

Когда она через час заглянула в комнату мужа, то всплеснула руками и, громко закричав, бросилась к нему.

Иванов, держась за ручки зимней оконной рамы, жадно прильнул глазами к этой раме и что-то шептал...

– Господи! – воскликнула несчастная женщина. – Я и забыла, что у нас рамы газетами оклеены... Ну, успокойся, голубчик, успокойся! Не смотри на меня такими глазами... Ну, скажи, что ты там прочел? Что там такое?

– Об исключении Колюбакина... Ха-ха-ха! – проревел Иванов, шатаясь, как пьяный. – Отречемся от старого ми-и-и...

В комнату вошел тесть.

– Кончено! – прошептал он, благоговейно снимая шапку. – Беги за приставом...

* * *

Через полчаса Иванов, бледный, странно вытянувшийся, лежал в кровати со сложенными на груди руками. Около него сидел тесть и тихо читал под нос эрфуртскую программу. В углу плакала жена, окруженная перепуганными, недоумевающими детьми.

В комнату вошел пристав. Стараясь не стучать сапогами, он подошел к постели Иванова, пощупал ему голову, вынул из его кармана пачку прокламаций, какой-то металлический предмет и, сокрушенно качнув головой, сказал:

– Готово! Доспел.

Посмотрел с сожалением на детей, развел руками и сел писать проходное свидетельство до Вологодской губернии.

Октябрист Чикалкин

К октябристу Чикалкину явился околоточный надзиратель и объявил, что предполагавшееся им, Чикалкиным, собрание в городе Битюги с целью сообщения избирателям результатов деятельности его, Чикалкина, в Думе, не может быть разрешено.

– Почему? – спросил изумленный Чикалкин.

– Потому. Неразрешенные собрания воспрещаются!

– Так вы бы и разрешили!

Околоточный снисходительно усмехнулся:

– Как же это можно: разрешить неразрешенное собрание. Это противозаконно.

– Но ведь, если вы разрешите, оно уже перестанет быть неразрешенным, – сказал, подумавши немного, Чикалкин.

– Так-то оно так, – ответил околоточный, еще раз усмехнувшись бестолковости Чикалкина. – Да как же его разрешить, если оно пока что неразрешенное? Посудите сами.

– Хорошо, – сказал зловеще спокойным тоном Чикалкин. – Мы внесем об этом в Думу запрос.

– Распишитесь, что приняли к сведению, – хладнокровно кивнул головой околоточный.

* * *

Когда октябрист Чикалкин остался один, он долго, взволнованный и возмущенный до глубины души, шагал по комнате...

– Вы у меня узнаете, как не разрешать! Ладно!! Запрос надо формулировать так: известно ли... И тому подобное, что администрация города Битюга своими незаконно...

Чикалкин вздохнул и потер бритую щеку.

– Гм. Резковато. За версту кадетом несет... Может, так: известно ли и тому подобное, что ошибочные действия администр... А что такое ошибочные? Ошибка – не вина. Тот не ошибается, кто ничего не делает. Да что ж я, в самом деле, дурак... Запрос! Запрос! Не буду же я его один вносить. А фракция – вдруг скажет: несвоевременно! Ну, конечно, скажет... Такие штуки всегда несвоевременны. Запрос! Эх, Чикалка! Тебе, брат, нужно просто министру пожаловаться, а ты... Право! Напишу министру этакое официальное письмо...

* * *

Октябрист Чикалкин сел за стол.

«Ваше высокопревосходительство! Сим довожу до вашего сведения, что произвол властей...»

Перо Чикалкина застыло в воздухе. В столовой гулко пробило два часа.

«...что произвол властей...»

В столовой гулко пробило половину третьего.

«...что произвол властей, которые...»

Рука онемела. В столовой гулко пробило пять.

«...что произвол властей, которые...»

Стало смеркаться.

«Которые... произвол, котор...»

И вдруг Чикалкину ударило в голову:

«А что, если...»

Он схватил начатое письмо и изорвал его в клочья.

– Положим... Не может быть!.. А вдруг!

Октябрист Чикалкин долго ходил по комнате и наконец, всплеснув руками, сказал:

– Ну конечно! Просто нужно поехать к исправнику и спросить о причине неразрешения.

В крайнем случае – припугнуть.

* * *

Чикалкин оделся и вышел на улицу.

– Извозчик! К исправнику! Знаешь?

– Господи! – с суеврным ужасом сказал извозчик, – да как же не знать-то! Еще позавчера мы тебя обстраховали за езду. Такого, можно сказать, человека, да не знать! Скажут такое.

– Что же он – строгий? – спросил Чикалкин, усаживаясь в пролетку.

– Он-то? Страсть. Он, ваше высокоблагородие, будем прямо говорить – строгий человек. И-и! Порох! Чиновник мне один анадясь сказывал... Ему – слово, а он сейчас ножками туп-туп да голосом: «В Сибирь, говорит, вас всех!! Начальство не уважаете!!»

– Что ж он – всех так? – дрогнувшим голосом спросил Чикалкин.

– Да уж такие господа... Строгие. Если что – не помилуют.

Октябрист Чикалкин помолчал.

– Ты меня куда везешь-то? – неожиданно спросил он извозчика.

– Дык сказывали – к господину исправнику...

– Дык сказывали! – передразнил его Чикалкин. – А ты слушай ухом, а не брюхом. Кто тебе сказывал? Я тебе, дураку, говорю – вези меня в полицейское управление, а ты к самому исправнику!.. Мало штрафуют вас, чертей. Заворачивай!

* * *

– Да, брат, – заговорил Чикалкин, немного успокоившись. – В полицейское управление мне надо. Хе-хе! Чудаки эти извозчики... ему говоришь туда, а он тебя везет сюда. Так-то, брат. А мне в полицейское управление и надо-то было. Собрание, вишь ты, мне не разрешили. Да как же! Я им такое неразрешение покажу! Сейчас же проберу их хорошенько, выясню, как и что. Попляшут они у меня! Это уж такая у нас полиция – ей бы только придраться. Уже... приехали?.. Что так скоро?

– Старался как лучше.

– Могу я видеть пристава? – спросил Чикалкин, входя. – То есть... господина пристава... можно видеть?

– Пожалуйте.

– Что нужно? – поднялся навстречу Чикалкину грузный мужчина с сердитым лицом и длинными рыжими усами.

– Я хотел бы этого... спросить вас... Могу ли я здесь получить значок для моей собачки на предмет уплаты городского налога?

– Э, черт! – отрывисто вскричал пристав. – Шляются тут по пустякам! В городской управе нужно получать, а не здесь. Герасимов, дубина стоеросовая! Проводи.

Робинзоны

Когда корабль тонул, спаслись только двое:

Павел Нарымский – интеллигент.

Пров Акациев – бывший шпик.

Раздевшись догола, оба спрыгнули с тонувшего корабля, и быстро заработали руками по направлению к далекому берегу. Пров доплыл первым. Он вылез на скалистый берег, подождал Нарымского и, когда тот, задыхаясь, стал вскарабкиваться по мокрым камням, строго спросил его:

– Ваш паспорт!

Голой Нарымский развел мокрыми руками:

– Нету паспорта. Потонул.

Акациев нахмурился.

– В таком случае я буду принужден...

Нарымский ехидно улыбнулся:

– Ага... Некуда!

Пров зачесал затылок, застонал от тоски и бессилия и потом, молча, голый и грустный, побрел в глубь острова.

* * *

Понемногу Нарымский стал устраиваться. Собрал на берегу выброшенные бурей обломки и некоторые вещи с корабля и стал устраивать из обломков дом.

Пров сумрачно следил за ним, прячась за соседним утесом и потирая голые худые руки. Увидев, что Нарымский уже возводит деревянные стены, Акациев, крадучись, приблизился к нему и громко закричал:

– Ага! Попался! Вы это что делаете?

Нарымский улыбнулся:

– Предварилку строю.

– Нет, нет... Это вы дом строите?! Хорошо-с!.. А вы строительный устав знаете?

– Ничего я не знаю.

– А разрешение строительной комиссии в рассуждении пожара у вас имеется?

– Отстанете вы от меня?

– Нет-с, не отстану. Я вам запрещаю возводить эту постройку без разрешения.

Нарымский, уже не обращая на Прова внимания, усмехнулся и стал прилаживать дверь.

Акациев тяжело вздохнул, постоял и потом тихо поплелся в глубь острова.

Выстроив дом, Нарымский стал устраиваться в нем как можно удобнее. На берегу он нашел ящик с книгами, ружье и бочонок солонины.

Однажды, когда Нарымскому надоела вечная солонина, он взял ружье и углубился в девственный лес с целью настрелять дичи. Все время сзади себя он чувствовал молчаливую, бесшумно перебегавшую от дерева к дереву фигуру, прячущуюся за толстыми стволами, но не обращал на это никакого внимания. Увидев пробегавшую козу, приложился и выстрелил.

Из-за дерева выскочил Пров, схватил Нарымского за руку и закричал:

– Ага! Попался... Вы имеете разрешение на право ношения оружия?

Обдирая убитую козу, Нарымский досадливо пожал плечами:

– Чего вы пристааете? Занимались бы лучше своими делами.

– Да я и занимаюсь своими делами, – обиженно возразил Акациев. – Потрудитесь сдать мне оружие под расписку на хранение впредь до разбора дела.

– Так я вам и отдал! Ружье-то я нашел, а не вы!
– За находку вы имеете право лишь на одну треть... – начал было Пров, но почувствовал всю нелепость этих слов, оборвал и сердито закончил: – Вы еще не имеете права охотиться!
– Почему это?
– Еще Петрова дня не было! Закону не знаете, что ли?
– А у вас календарь есть? – ехидно спросил Нарымский.
Пров подумал, переступил с ноги на ногу и сурово сказал:
– В таком случае я арестую вас за нарушение выстрелами тишины и спокойствия.
– Арестуйте! Вам придется дать мне помещение, кормить, ухаживать за мной и водить на прогулки!
Акациев заморгал глазами, передернул плечами и скрылся между деревьями.

* * *

Возвращался Нарымский другой дорогой.
Переходя по сваленному бурей стволу дерева маленькую речку, он увидел на другом берегу столбик с какой-то надписью.
Приблизившись, прочел: «Езда по мосту шагом».
Пожав плечами, наклонился, чтоб утолить чистой, прозрачной водой жажду, и на прибрежном камне прочел надпись:
«Не пейте сырой воды! За нарушение сего постановления виновные подвергаются...»
Заснув после сытного ужина на своей теплой постели из сухих листьев, Нарымский среди ночи услышал вдруг какой-то стук и, отворив дверь, увидел перед собой мрачного и решительного Прова Акациева.
– Что вам угодно?
– Потрудитесь впустить меня для производства обыска. На основании агентурных сведений...
– А предписание вы имеете? – лукаво спросил Нарымский.
Акациев тяжело застонал, схватился за голову и с криком тоски и печали бросился вон из комнаты.
Часа через два, перед рассветом, стучался в окно и кричал:
– Имейте в виду, что я видел у вас книги. Если они предосудительного содержания и вы не заявили о хранении их начальству – виновные подвергаются...
Нарымский сладко спал.

* * *

Однажды, купаясь в теплом, дремавшем от зноя море, Нарымский отплыл так далеко, что ослабел и стал тонуть.
Чувствуя в ногах предательские судороги, он собрал последние силы и инстинктивно закричал. В ту же минуту он увидел, как вечно торчавшая за утесом и следившая за Нарымским фигура поспешно выскочила и, бросившись в море, быстро поплыла к утопающему.
Нарымский очнулся на песчаном берегу. Голова его лежала на коленях Прова Акациева, который заботливой рукой растирал грудь и руки утопленника.
– Вы... живы? – с тревогой спросил Пров, наклоняясь к нему.
– Жив, – теплое чувство благодарности и жалости шевельнулось в душе Нарымского. – Скажите... Вот вы рисковали из-за меня жизнью... Спасли меня... Вероятно, я все-таки дорог вам, а?

Пров Акациев вздохнул, обвел ввалившимися глазами беспредельный морской горизонт, охваченный пламенем красного заката, – и просто, без рисовки, ответил:

– Конечно, дороги. По возвращении в Россию вам придется заплатить около ста десяти тысяч штрафов или сидеть около полутора лет.

И, помолчав, добавил искренним тоном:

– Дай вам бог здоровья, долголетия и богатства.

Четверг

В восемь часов вечера Ляписов заехал к Андромаскому и спросил его:

– Едете к Пылинкиным?

– А что? – спросил, покривившись, Андромаский. – Разве сегодня четверг?

– Конечно, четверг. Сколько четвергов вы у них бывали, и все еще не можете запомнить. Андромаский саркастически улыбнулся.

– Зато я твердо знаю, что мы будем там делать. Когда мы войдем, m-me Пылинкина сделает радостно-изумленное лицо: «Господи! Андрей Павлович! Павел Иванович! Как это мило с вашей стороны!» Что мило? Что мило, черт ее возьми, эту тощую бабу, меняющую любовников, – не скажу даже, как перчатки, потому что перчатки она меняет гораздо реже! Что мило? То ли мило, что мы являемся всего один раз в неделю, или то, что мы, войдя, не разгоняем сразу пинками всех ее глупых гостей? «Садитесь, пожалуйста. Чашечку чаю?» Ох, эта мне чашечка чаю! И потом начинается: «Были на лекции о Ведекинде?» А эти проклятые лекции, нужно вам сказать, читаются чуть ли не каждый день! «Нет, скажешь, не был». – «Не были? Как же это вы так?» Ну, что, если после этого взять, стать перед ней на колени, заплакать и сказать: «Простите меня, что я не был на лекции о Ведекинде. Я всю жизнь посвящу на то, чтобы замолить этот грех. Детям своим завещаю бывать от двух до трех раз на Ведекинде, кухарку вместо бани буду посылать на Ведекинда и на смертном одре завещаю все свое состояние лекторам, читающим о Ведекинде. Простите меня, умная барыня, и кланяйтесь от меня всем вашим любовникам!»

Ляписов засмеялся:

– Не скажете!

– Конечно, не скажу. В том-то и ужас, что не скажу. И еще в том ужас, что и она и все ее гости моментально и бесследно забывают о Ведекинде, о лекциях и с лихорадочным любопытством набрасываются на какую-то босоножку. «Видели танцы новой босоножки? Мне нравится». А другой осел скажет: «А мне не нравится». А третий отвечает: «Не скажите! Это танцы будущего, и они мне нравятся. Когда я был в Берлине, в кафешантане...» – «Ах, – скажет игриво m-me Пылинкина, – вам, мужчинам, только бы все кафешантаны!» Конечно, нужно было бы сказать ей – кафешантаны. А тебе бы все любовники да любовники? «Семен Семеныч! Чашечку чаю с печеньем, а? Пожалуйста! Читали статью о Вейнингере?» А чайшкото у нее, признаться, скверный, да и печенье тленом пахнет... И вы замечаете? Замечаете? Уже о босоножке забыто, танцы будущего провалились бесследно до будущего четверга, разговор о кафешантане держится две минуты, увядает, осыпается и на его месте пышно расцветает беседа о новой пьесе, причем одному она нравится, другому не нравится, а третий выражает мнение, что она так себе. Да ведь он ее не видел?! Не видел, уверяю вас, шут этакий, мошенник, мелкий хам!! А ты должен сидеть, пить чашечку чаю и говорить, что босоножка тебе нравится, новая пьеса производит впечатление слабой, а кафешантаны скучны, потому что все номера однообразны.

Ляписов вынул часы:

– Однако уже скоро девять!

– Сейчас. Я в минутку оденусь. Да ведь там только к девяти и собираются... Одну минутку.

* * *

В девять часов вечера Андромаский и Ляписов приехали к Пылинкиным.

M-me Пылинкина увидела их еще в дверях и с радостным изумлением воскликнула:

– Боже ты мой, Павел Иванович! Андрей Павлыч! Садитесь. Очень мило с вашей стороны, что заехали. Чашечку чаю?

– Благодарю вас! – ласково наклонил голову Андромахский. – Не откажусь.

– А мы с мужем думали, что встретим вас вчера...

– Где? – спросил Андромахский.

– Как же! В Соляном Городке. Грудастов читал о Пшебышевском.

На лице Андромахского изобразилось неподдельное отчаяние.

– Так это было вчера?! Экая жалость! Я мельком видел в газетах и, представьте, думал, что она будет еще не скоро. Я теперь газеты вообще мельком просматриваю.

– В газетах теперь нет ничего интересного, – сказал из-за угла чей-то голос.

– Репрессии, – вздохнула хозяйка. – Обо всем запрещают писать. Чашечку чаю?

– Не откажусь, – поклонился Ляписов.

– Мы выписали две газеты и жалею. Можно бы одну выписать.

– Ну, иногда в газетах можно натолкнуться на что-нибудь интересное... Читали на днях, как одна дама гипнотизмом выманила у домовладельца тридцать тысяч?

– Хорошенькая? – игриво спросил Андромахский.

Хозяйка кокетливо махнула на него салфеточкой.

– Ох, эти мужчины! Им бы все только – хорошенькая! Ужасно вы испорченный народ.

– Ну, нет, – сказал Ляписов. – Вейнингер держится обратного мнения... У него ужасное мнение о женщинах...

– Есть разные женщины и разные мужчины, – послышался из полутемного угла тот же голос, который говорил, что в газетах нет ничего интересного. – Есть хорошие женщины и хорошие мужчины. И плохие есть там и там.

– У меня был один знакомый, – сказала полная дама. – Он был кассиром. Служил себе, служил и – представьте – ничего. Потом познакомился с какой-то кокоткой, растратил казенные деньги и бежал в Англию. Вот вам и мужчины ваши!

– А я против женского равноправия! – сказал господин с густыми бровями. – Что это такое? Женщина должна быть матерью! Ее сфера – кухня!

– Извините-с! – возразила хозяйка. – Женщина такой же человек, как и мужчина! А ей ничего не позволяют делать!

– Как не позволяют? Все позволяют! Вот одна на днях в театре танцевала с голыми ногами. Очень было мило. Сфера женщины – все изящное, женственное.

– А, по-моему, она вовсе не изящна. Что это такое – ноги толстые, и сама скачет, как козел!

– А мне нравится! – сказал маленький лысый человек. – Это танцы будущего, и они открывают новую эру в искусстве.

– Чашечку чаю! – предложила хозяйка Андромахскому. – Может быть, желаете рюмочку коньяку туда?

– Мерси. Я вообще не пью. Спиртные напитки вредны.

Голос из угла сказал:

– Если спиртные напитки употреблять в большом количестве, то они, конечно, вредны. А если иногда выпить рюмочку – это не может быть вредным.

– Ничем не надо злоупотреблять, – сказала толстая дама.

– Безусловно. Все должно быть в меру, – уверенно ответил Ляписов.

Андромахский встал, вздохнул и сказал извиняющимся тоном:

– Однако я должен спешить. Позвольте, Марья Игнатьевна, откланяться.

На лице хозяйки выразился ужас.

– Уже?! Посидели бы еще...

– Право, не могу.

– Ну, одну минутку!

– С наслаждением бы, но...

– Какой вы, право, нехороший... До свиданья. Не забывайте! Очень будем рады с мужем видеть вас.

Ласковая, немного извиняющаяся улыбка бродила на лице Андромахского до тех пор, пока он не вышел в переднюю. Когда нога его перешагнула порог – лицо приняло выражение холодной злости, скуки и бешенства.

Он оделся и вышел.

* * *

Захлопнув за собой дверь, Андромахский остановился на полутемной площадке лестницы и прислушался. До него явственно донеслись голоса: его приятеля Ляписова, толстой дамы и m-me Пылинкиной.

– Что за черт?

Он огляделся. Над его головой тускло светило узенькое верхнее окно, выходившее, очевидно, из пылинкинской гостиной. Слышно было всякое слово – так отчетливо, что Андромахский, уловив свою фамилию, прислонился к перилам и застыл...

– Куда это он так вскочил? – спросил голос толстой дамы.

– К жене, – отвечал голос Ляписова.

M-me Пылинка засмеялась.

– К жене! С какой стороны?!

– Что вы! – удивилась толстая дама. – Разве он такой?..

– Он?! – сказал господин с густыми бровями. – Я его считал бы добродетельнейшим человеком, если бы он изменял только жене с любовницей. Но он изменяет любовнице с горничной, горничной – с белошвейкой, шьющей у жены, и так далее. Разве вы не знаете?

– В его защиту я должен сказать, что у него есть одна неизменная привязанность, – сказал лысый старичок.

– К кому?

– Не к кому – а к чему... К пиву! Он выпивает в день около двадцати бутылок!

Все рассмеялись.

– Куда же вы? – послышался голос хозяйки.

– Я и так уже засиделся, – отвечал голос Ляписова. – Нужно спешить.

– Посидите еще! Ну, одну минуточку! Недобрый, недобрый! До свиданья. Не забывайте нашего шалаша.

* * *

Когда Ляписов вышел, захлопнув дверь, на площадку, он увидел прислонившегося к перилам Андромахского и еле сдержал восклицание удивления.

– Тссс!.. – прошептал Андромахский, указывая на окно. – Слушайте! Это очень любопытно...

– Какой симпатичный этот Ляписов, – сказала хозяйка. – Не правда ли?

– Очень милый, – отвечал господин с густыми бровями. – Только вид у него сегодня был очень расстроенный.

– Неприятности! – послышался сочувственный голос толстой дамы.

– Семейные?

– Нет, по службе. Все игра проклятая!

– А что, разве?..

– Да, про него стали ходить тревожные слухи. Получает в месяц двести рублей, а проигрывает в клубе в вечер по тысяче. Вы заметили, как он изменился в лице, когда я вернула о кассире, растратившем деньги и бежавшем в Англию?

– Проклятая баба, – прошептал изумленный Ляписов. – Что она такое говорит!

– Хорошее оконце! – улыбнулся Андромахский.

– ...Куда же вы?! Посидели бы еще!

– Не могу-с! Время уже позднее, – послышался голос лысого господина. – А ложусь-то я, знаете, рано.

– Какая жалость, право!

* * *

На площадку лестницы вышел лысый господин, закутанный в шубу, и испуганно отшатнулся при виде Ляписова и Андромахского.

Андромахский сделал ему знак, указал на окно и в двух словах объяснил преимущество занятой ими позиции.

– Сейчас о вас будет. Слушайте!

– Я никогда не встречала у вас этого господина, – донесся голос толстой дамы. – Кто это такой?

– Это удивительная история, – отвечала хозяйка. – Я удивляюсь, вообще... Представили его мне в театре, а я и не знаю: кто и что он такое. Познакомил нас Дерябин. Я говорю Дерябину, между разговором: «Отчего вы не были у нас в прошлый четверг?» А этот лысый и говорит мне: «А у вас четверги? Спасибо, буду». Никто его и не звал, я даже и не намекала. Поразительно некоторые люди толстокожи и назойливы! Пришлось с приятной улыбкой сказать: пожалуйста! Буду рада.

– Ах ты дрянь этакая, – прошептал огорченно лысый старичок. – Если бы знал – никогда бы к тебе не пришел. Вы ведь знаете, молодой человек, – обратился он к Андромахскому, – эта худая выдра в интимных отношениях с тем самым Дерябиным, который нас познакомил. Ей-богу! Мне Дерябин сам и признался. Чистая уморушка!

– А вы зачем соврали там, в гостиной, что я выпиваю двадцать бутылок пива в день? – сурово спросил старичка Андромахский.

– А вы мне очень понравились, молодой человек, – виновато улыбнулся старичок. – Когда зашел о вас разговор – я и думаю: дай верну словечко!

– Пожалуйста, никогда не ввертывайте обо мне словечка. О чем они там сейчас говорят?

– Опять обо мне, – сказал Ляписов. – Толстая дама выражает опасение, что я не сегодня-завтра сбегу с казенными деньгами.

– Проклятая лягушка! – проворчал Андромахский. – Если бы вы ее самое знали! Устраивает благотворительные вечера и ворует все деньги. Одну дочку свою буквально продала сибирскому золотопромышленнику!

– Ха-ха! – злобно засмеялся старичок. – А вы заметили этого кретиновидного супруга хозяйки, сидевшего в углу?..

– Как же! – усмехнулся Андромахский. – Он сказал ряд очень циничных афоризмов: что в газетах нет ничего интересного, что женщины и мужчины бывают плохие и хорошие и что если пить напитков много, то это скверно, а мало – ничего...

Старичок, Ляписов и Андромахский уселись для удобства на верхней ступеньке площадки, и Андромахский продолжал:

– И он так глуп, что не замечал, как старуха Пылинкина подмигивала несколько раз этому густобровому молодцу. Очевидно, дело с новеньким лямиделямезончиком на мази!

– Хе-хе! – тихонько засмеялся Ляписов. – А вы знаете, старче, как Андромаский сегодня скалабурил насчет этой Мессалины: она не меняет любовников как перчатки только потому, что не меняет перчаток.

Лысый старичок усмехнулся:

– Заметили, чай у них мышами пахнет! Хоть бы людей постыдились...

* * *

Когда госпожа Пылинкина, провожая толстую даму, услышала на площадке голоса и выглянула из передней, она с изумлением увидела рассеявшуюся на ступеньках лестницы компанию...

– Я уверен, – говорил увлеченный разговором Ляписов, – что эта дура Пылинкина не только не читала Ведекинда, но, вероятно, путает его с редерером, который она распивает по отдельным кабинетам с любовниками.

– Ну да! – возражал Андромаский. – Станут любовники поить ее редерером. Бутылка клюквенного квасу, бутерброд с чайной колбасой – и madame Пылинкина, соблазненная этой царской роскошью, готова на все!..

Госпожа Пылинкина кашлянула, сделала вид, что вышла только сейчас, и с деланным удивлением сказала:

– А вы, господа, еще здесь! Заговорились? Не забудьте же – в будущий четверг!

Виктор Поликарпович

В один город приехала ревизия... Главный ревизор был суровый, прямолинейный, справедливый человек с громким, властным голосом и решительными поступками, приводившими в трепет всех окружающих.

Главный ревизор начал ревизию так: подошел к столу, заваленному документами и книгами, нагнулся каменным, бесстрастным, как сама судьба, лицом к какой-то бумажке, лежавшей сверху, и лязгнул отрывистым, как стук гильотинного ножа, голосом:

– Приступим-с.

Содержание первой бумажки заключалось в том, что обыватели города жаловались на городского Дымбу, взыскавшего с них незаконно и неправильно триста рублей «портового сбора на предмет морского улучшения».

«Во-первых, – заявляли обыватели, – никакого моря у нас нет... Ближайшее море за шестьсот верст через две губернии, и никакого нам улучшения не нужно; во-вторых, никакой бумаги на это взыскание упомянутый Дымба не предъявил, а когда у него потребовали документы – показал кулак, что, как известно по городскому положению, не может служить документом на право взыскания городских повинностей; и, в-третьих, вместо расписки в получении означенной суммы он,

Дымба, оставил окуроченные папиросы, который при сем прилагается».

Главный ревизор потер руки и сладострастно засмеялся. Говорят, при каждом человеке состоит ангел, который его охраняет. Когда ревизор так засмеялся, ангел городского Дымбы заплакал.

– Позвать Дымбу! – распорядился ревизор.

Позвали Дымбу.

– Здравия желаю, ваше превосходительство!

– Ты не кричи, брат, так, – зловеще остановил его ревизор. – Кричать после будешь. Взятки брал?

– Никак нет.

– А морской сбор?

– Который морской, то взыскивал по приказанию начальства. Сполнял, вашество, службу. Их высокородие приказывали.

Ревизор потер руки профессиональным жестом ревизующего сенатора и залился тихим смешком.

– Прекрасно... Попросите-ка сюда его высокородие. Никифоров, напишите бумагу об аресте городского Дымбы как соучастника.

Городового увели.

Когда его уводили, явился и его высокородие... Теперь уже заливались слезами два ангела: городского и его высокородия.

– И-зволили звать?

– Ох, изволил. Как фамилия? Пальцын? А скажите, господин Пальцын, что это такое за триста рублей морского сбора? Ась?

– По распоряжению Павла Захарыча, – приободрившись, отвечал Пальцын. – Они приказали.

– А-а. – И с головокружительной быстротой замелькали трущиеся одна об другую ревизоры руки. – Прекрасно-с. Дельце-то начинает разгораться. Узелок увеличивается, вспухает... Хе-хе... Никифоров! Этому – бумагу об аресте, а Павла Захарыча сюда ко мне... Живо!

Пришел и Павел Захарыч.

Ангел его плакал так жалобно и потрясающе, что мог тронуть даже хладнокровного ревизора ангела.

– Павел Захарович? Здравствуйте, здравствуйте... Не объясните ли вы нам, Павел Захарович, что это такое «портовый сбор на предмет морского улучшения»?

– Гм... Это взыскание-с.

– Знаю, что взыскание. Но – какое?

– Это-с... во исполнение распоряжения его превосходительства.

– А-а-а... Вот как? Никифоров! Бумагу! Взять! Попросить его превосходительство!

Ангел его превосходительства плакал солидно, с таким видом, что нельзя было со стороны разобрать: плачет он или снисходительно улыбается.

– Позвольте предложить вам стул... Садитесь, ваше превосходительство.

– Успею. Зачем это я вам понадобился?

– Справочка одна. Не знаете ли вы, как это понимать: взыскание морского сбора в здешнем городе?

– Как понимать? Очень просто.

– Да ведь моря-то тут нет!

– Неужели? Гм... А ведь в самом деле, кажется, нет. Действительно нет.

– Так как же так – «морской сбор»? Почему без расписок, документов?

– А?

– Я спрашиваю – почему «морской сбор»?!

– Не кричите. Я не глухой.

Помолчали. Ангел его превосходительства притих и смотрел на все происходящее широко открытыми глазами, выжидательно и спокойно.

– Ну?

– Что «ну»?

– Какое море вы улучшали на эти триста рублей?

– Никакого моря не улучшали. Это так говорится – «море».

– Ага. А деньги-то куда делись?

– На секретные расходы пошли.

– На какие именно?

– Вот чудак человек! Да как же я скажу, если они секретные!

– Так-с...

Ревизор часто-часто потер руки одна о другую.

– Так-с. В таком случае, ваше превосходительство, вы меня извините, обязанности службы... я принужден буду вас, как это говорится, арестовать. Никифоров!

Его превосходительство обидчиво усмехнулся.

– Очень странно: проект морского сбора разрабатывало нас двое, а арестовывают меня одного.

Руки ревизора замелькали, как две юрких белых мыши.

– Ага! Так, так... Вместе разрабатывали?! С кем?

Его превосходительство улыбнулся.

– С одним человеком. Не здешний. Питерский, чиновник.

– Да-а? Кто же этот человечек?

Его превосходительство помолчал и потом внятно сказал, прищурившись в потолок:

– Виктор Поликарпович.

Была тишина. Семь минут.

Нахмутив брови, ревизор разглядывал с пытливостью и интересом свои руки... И нарушил молчание:

– Так, так... А какие были деньги получены: золотом или бумажками?

– Бумажками.

– Ну раз бумажками – тогда ничего. Извиняюсь за беспокойство, ваше превосходительство. Гм... гм...

Ангел его превосходительства усмехнулся ласково-ласково.

– Могу идти?

Ревизор вздохнул:

– Что ж делать... Можете идти.

Потом свернул в трубку жалобу на Дымбу и, приставив ее к глазу, посмотрел на стол с документами.

Подошел Никифоров.

– Как с арестованными быть?

– Отпустите всех... Впрочем, нет! Городового Дымбу на семь суток ареста за курение при исполнении служебных обязанностей. Пусть не курит... Кан-наля!

И все ангелы засмеялись, кроме Дымбиного.

Сазонов

1

Рукавов собирался пить чай.

Он налил стакан, посмотрел его на свет и неодобрительно поджал губы.

– Чаишко-то, кажется, мутноватый... Ох уж эти меблированные комнаты! Ох уж эта холостая жизнь!

Дверь скрипнула. Рукавов оглянулся и увидел прижавшегося к притолоке и молча на него смотревшего Заклятына.

– А, здравствуйте! – равнодушно сказал Рукавов. – Вот приятный визит. Входите... Ну, как дома? Все благополучно? Чаю хотите?

Заклятын отделился от притолоки и сделал шаг вперед.

– Я пришел только сказать вам, Рукавов, – держась рукой за сердце, сказал Заклятын, – что людей, подобных вам, нужно убивать без милосердия, как бешеных собак. И, клянусь, я убую вас!

Рукавов отставил налитый стакан. Брови его были нахмурены.

– Слушайте, Заклятын... Я не знаю, на чем вы там помешались и каким вздором сейчас наполнена ваша голова... Но об одном прошу вас: обдумывайте, что говорите! Даже в пылу гнева. Есть такие слова, о которых потом жалеешь всю жизнь. Садитесь. Что случилось?

– Рукавов! Вы меня поражаете!

– Чем? Наоборот, вы меня поражаете. Хотите чаю?

– Рукавов! Берегитесь!

Рукавов улыбнулся:

– Хорошо. Только скажите – от чего. Тогда, может быть, я и буду беречься.

Заклятын скривил лицо и, взявшись руками за спинку стула, внятно отчеканил:

– Я узнал, что вы находитесь в связи с моей женой, Надеждой Петровной.

– Есть ложь смешная, есть ужасная, есть глупая. То, что вы, Заклятын, говорите, – ложь третьей категории.

Рукавов снова взялся за свой стакан и, размешивая сахар, бросил холодный взгляд на бледное, искаженное злостью лицо Заклятына.

– Это не ложь! Когда я уезжал в Москву, вас видели однажды выходящим от моей жены в восемь часов утра.

– И это все? – сурово спросил Рукавов. – Стыдитесь! Извольте, я скажу вам: да, в восемь часов утра выходил от вас, но вошел я к вам в восемь без четверти. Просто забыл накануне вечером свою палку и зашел за ней. Уверен, что Надежда Петровна спала в это время сном праведницы.

– Знаете ли вы, – злобно прошипел Заклятын, – что я нашел у нее в столе записку от вас, правда, прямых указаний не дающую, но вы там называете мою жену на «ты»!

Рукавов пожал плечами:

– Какой же в этом ужас? Просто как-то в шаловливом настроении я назвал ее «ты» и теперь постоянно дразню ее этим. Мне было забавно, как она сердится.

– Рукавов! – потупившись, тихо сказал Заклятын. – Сегодня жена сама сказала мне, что вы ее любовник.

Рукавов поднял одну бровь:

– Вы... можете поклясться в этом?

– Даю вам мое честное слово.

– Ох, эти женщины, – усмехнулся Рукавов, качая головой. – Никогда не знаешь, как с ними держаться... Впрочем, вы не подумайте, что я отрицал давеча все только потому, что боялся вас. А просто не в моих правилах разглагольствовать о своих победах.

– Еще бы, – угрюмо сказал Заклятын. – Это так понятно! И тем не менее еще раз повторю: берегитесь! Я убью вас.

Рукавов пожевал губами.

– Можно вам задать вопрос, но только совершенно серьезно? И вы отвечайте так же.

– Да.

– За что вы хотите меня убить?

– Вы разбились мою жизнь. Все мое счастье было в этой женщине – вы отняли ее!

Рукавов погрузился в задумчивость.

– Вот что, Заклятын... Я вам сейчас возражу, но не потому, что желаю сохранить свою жизнь... Я понимаю – слишком глупо для меня было бы плакать и восклицать, прячась за стол: ах, не убивайте меня, ах, пощадите меня!.. В конце концов, жизнь не такое уж важное кушанье. И на помощь я звать не буду... и из комнаты не выйду. Можете убить меня во всякую минуту. И тем не менее еще раз спрашиваю: чем я виноват?

– Вы обманули меня. Вы отняли у меня жену.

Голос Заклятына звучал торжественно и громко.

– Я жену вашу не отнимал. Она сошлась со мной по своей воле.

– Если бы не вы – мы были бы с ней по-прежнему счастливы.

– А какая у вас гарантия – что не явился бы другой?

– Рукавов! Вы ее оскорбляете!

– Чем? Что вы, помилуйте... И в мыслях не имел. Только смотрите: мы оба рискуем стать в смешное положение. Говоря о другом любовнике, я хочу подчеркнуть, что я – человек, не блещущий никакими талантами и красотой, что я – самый заурядный человек. Не начнете же вы сейчас опровергать меня, доказывая, что я человек особенный, ошеломляющий, человек такого сорта, перед которым женщина устоять не может! Человеку, которого хотят убить, не говорят комплиментов!..

– Хорошо! – поморщась, перебил его муж. – Допустим, что вы самый ординарный человек. Что же из этого следует?

– А то, что ординарных людей тысячи. Не будете же вы всех их убивать.

– Не буду. Но они ведь и не любовники жены.

– Если один ординарный человек – любовник, то почему и другой не мог быть любовником? Лотерея!

– В которой муж всегда проигрывает, – громко усмехнулся Заклятын.

– Утешьтесь! Если я женюсь – я тоже проиграю.

– А вдруг не проиграете? Ведь это цинизм – так думать! Неужели не может быть семьи без измены?

Рукавов встал, протянул вперед руку и взволнованно и быстро заговорил:

– Нет! Прочной любви нет. Верности нет. Опровергайте меня примерами! Скажите мне: «Жена Петрова всю жизнь была верна мужу! Жена Сидорова так и умерла, храня супружескую верность!» Сотни таких случаев есть... тысячи! Верно! Но они моих слов не опровергают. Добавьте даже, что за женами Петрова и Сидорова волочились безуспешно десятки поклонников, что красавец Иванов предлагал этим верным женам все свое состояние, умница Карпов доказывал нелепость верности, вельможа Григорьев тщетно ослеплял этих жен своим могуществом и великолепием... Заклятын! Слушайте меня, я вам скажу: это все пустяки... А Сазонова-то ведь не было!

– Какого... Сазонова? – машинально спросил Заклятын.

– Сазонова! Это я сейчас его выдумал, но Сазонов существует, и живет он, негодяй, в каждом городе: в Харькове, Одессе, Киеве, Новочеркасске!..

– Какой Сазонов?

– Вот какой: в Москве живут муж и жена Васильевы. Сорок лет прожили они душа в душу, свято блюдя супружескую верность, любя друг друга. И вот, несмотря на это, Заклятыин, вы не имеете права сказать: «Ах, это была идеально верная жена – мадам Васильева! За ней ухаживали десятки красавцев, а она все-таки осталась верна своему мужу...» – «Почему она осталась верна? – спрошу я вас. – Не потому ли, что сердце ее абсолютно не было способно на измену?» Нет! Нет, Заклятыин! Просто – потому что Сазонов сидел в это время в Новочеркасске. Стоило ему только приехать в Москву, стоило случайно встретиться с семьей Васильевых – и все счастье мужа полетело бы к черту, развеялось бы, как одуванчик от ветерка. Так можно ли серьезно толковать о верности лучшей из женщин, если она, верность эта, зависит только от приезда Сазонова из Новочеркасска?

– Но в таком случае, – нахмурился Заклятыин, – мы возвращаемся к тому, с чего я начал: Сазоновых этих нужно убивать, как бешеных собак!

– Берегись! Вас тоже должны будут убить.

– Меня? За что?

– Потому что вы тоже – Сазонов для какой-нибудь женщины, живущей в Курске или Обояни. Может быть, вы никогда и не встретитесь с ней – тем лучше для ее мужа! Но вы – Сазонов.

2

Заклятыин оперся локтями о стол, положил голову на руки и застонал:

– Где же выход? Где выход?!

– Успокойтесь, – участливо сказал Рукавов, глядя его по плечу. – Хотите чаю?

– Боже мой! Как вы можете говорить так хладнокровно?..

– Да ведь чай-то пить все равно нужно, – улыбнулся Рукавов. – Он был мутноватый, но теперь отстоялся. Я вам налью, а?

– Ах ты, господи... Ну, давайте!!

– Вам два куска сахара? Три?

– Три.

– Крепкий любите?

– Рукавов! Где же выход?

– У вас же был выход, – тихо усмехнулся Рукавов. – Когда вы пришли давеча, помните. Хотели убить меня, как бешеную собаку.

– Нет, – серьезно сказал Заклятыин. – Я вас убивать не буду. Она больше виновата, чем вы.

– И она не виновата... Слабые, хрупкие, глупые, безвольные женщины! Мне их иногда до слез жалко... Привяжется сердцем такая к одному человеку, уж на подвиг готова, на само-заклание. И своего, задушевного – ничего нет. Все от него идет, – все ее мысли, стремления, все от Сазонова. Все с его барского плеча. Охо-хо!..

Заклятыин выпил свой чай, прошелся раза два по комнате и, круто повернувшись к дивану, упал ничком на него.

– Рукавов, – проскрежетал он. – Я страдаю. Научите, что мне делать!

Рукавов подсел к нему, одной рукой обнял его плечи, а другой – стал ласково, как ребенка, гладить по коротко остриженной голове.

– Бедный вы мой... Ну, успокойтесь. Делать вам ничего не нужно. Жену я у вас заберу, потому что, если бы даже она и осталась у вас, то какая же это будет жизнь? Одно мученье. Вы

будете мучить ее ревностью, она вас – ненавидеть... Что хорошего? Постарайтесь развлечься, встречайтесь с другими женщинами, увлекайтесь ими. Вы человек неглупый, интересный... Гораздо интереснее меня – клянусь вам, что говорю это совершенно серьезно... Всего-то моего и преимущества перед вами, что я – Сазонов, которого угораздило приехать из Новочеркасска. Лежите смирненько, милый. Ну, вот. Встретите вы еще хорошую, душевную женщину, которая приголубит вас по-настоящему.

Плечи Заклятына судорожно передернулись.

– Я Надю никогда не забуду.

– Ничего-о, миленький... забудете, – мягко, простодушно протянул Рукавов. – Это сейчас, когда чувствуется вся острота обиды и разочарования, кажется, что горе такое уж большое, такое безысходное... А там обойдется, дальше-то. Ну, конечно, если уж вам под сердце тоска и злость подкатит до того, что будет нестерпимо, ну – убейте меня. Только что ж... Если хорошенько вдуматься – ведь это не поможет, не имеет никакого смысла... Злости против меня у вас нет, а раз нет злости – не нужно и преступление...

Сумерки обволакивали комнату.

В тихом воздухе долго звучали тихие слова:

– Не плачьте, миленький. Вы большой, взрослый мужчина – нехорошо. Это только женщина может убиваться до смерти, стенать, теряя любимого человека, – потому что у женщины ничего другого, кроме жизни сердца, не имеется. А мы, мужчины, – творцы красоты жизни, творцы ее смысла – должны считать свои сердечные раны такими же царапинами, как и те, которыми награждает нас судьба в других случаях. Удержите ваше сердце от терзаний – мужчина должен уметь сделать это. Попробуйте пить даже первое время, попробуйте наскандалить как-нибудь поудивительнее, чтобы это перебросило вас в другую колею. И не смотрите на весь мир так, как будто он – неловкий слуга, не сумевший услужить вам и поэтому достойный презрения и проклятий. Используйте его получше и умирайте попозже. Через год вы забудете все ваше несчастье наполовину, через пять лет – совсем, а к старости и имени-то вашей бывшей жены не вспомните... Так стоит ли из-за этого терзаться? Вы хотели убить меня... Не беспокойтесь, умру и так, своею смертью, и она умрет, и вы... Все умрем... И даже могилки наши одинокие исчезнут с лица земли – новая жизнь пронесется над ними – и ни одна душа не будет знать о трех людях, о трех незначительных букашках, которые когда-то волновались, любили и страдали...

Рукавов говорил странные, сбивчивые, мало выражавшие его мысли слова, но тон их был мягок, ласков и любовен; печальные слова плыли по комнате и смешивались с печальными сумерками.

Заклятын полежал еще немного с закрытыми глазами, потом вздохнул, встал с дивана, обнял Рукавова, поцеловал его и, нашарив в темноте шляпу, ушел.

Опора порядка

I

Вольнонаемный шпик Терентий Макаронов с раннего утра начал готовиться к выходу из дому. Он напялил на голову рыжий, плохо, по-домашнему сработанный парик, нарумянил щеки и потом долго возился с наклеиванием окладистой бороды.

– Вот, – сказал он, тонко ухмыльнувшись сам себе в кривое зеркало. – Так будет восхитительно. Родная мать не узнает. Любопытная штука наша работа! Приходится тратить столько хитростей, сообразительности и увертливости, что на десять Холмсов хватит. Теперь будем рассуждать так: я иду к адвокату Маныкину, которого уже достаточно изучил и выследил. Иду предложить себя на место его письмоводителя. (Ему такой, я слышал, нужен!) А если я вотрюсь к нему, – остальное сделано. Итак, письмоводитель. Спрашивается: как одеваются письмоводители? Мы, конечно, не Шерлоки Холмсы, а кое-что соображаем: мягкая цветная сорочка, потертый пиджак и брюки, хотя и крепкие, но с бахромой. Вот так! Теперь всякий за версту скажет – письмоводитель!

Макаронов натянул пальто с барашковым воротником и, выйдя из дому, крадучись зашагал по направлению к квартире адвоката Маныкина.

– Так-то, – бормотал он сам себе под нос. – Без индейской хитрости с этими людьми ничего не сделаешь.

Умный, шельма... Да Терентий Макаронов поумней вас будет. Хе-хе!

У подъезда Маныкина он смело нажал кнопку звонка. Горничная впустила его в переднюю и спросила:

– Как о вас сказать?

– Скажите: Петр Сидоров. Ищет место письмоводителя.

– Подождите тут, в передней.

Горничная ушла, и через несколько секунд из кабинета донесся ее голос:

– Там к вам шпик пришел, что под воротами допреж все торчал. Я, говорит, Петр Сидоров, и хочу наниматься в письмоводители. Бородищу наклеил, подмазался, прямо умора!

– Сейчас к нему выйду, – сказал Маныкин. – Ты его где оставила, в передней?

– В передней.

– После посмотришь под диваном или за вешалкой, не сунул ли чего. Если найдешь – выброси!

– Как давеча?

– Ну, да! Учить тебя, что ли? Как обыкновенно!

Адвокат вышел из кабинета и, осмотрев понурившегося Макаронова, спросил:

– Ко мне?

– Так точно.

– А, знаешь, братец, тебе борода не идет. Такое чучело получилось...

– Да разве вы меня знаете? – с наружным удивлением спросил Макаронов.

– Тебя-то? Да мои дети по тебе, брат, в гимназию ходят. Как утро, они глядят в окно: «Вот, говорят, папин шпик пришел. Девять часов, значит. Пора в гимназию собираться».

– Что вы, господин! – всплеснул руками Макаронов. – Какой же я шпик? Это даже очень обидно. Я вовсе письмоводитель – Петр Сидоров.

– Елизавета! – крикнул адвокат. – Дай мне пальто! Ну, что у вас в охранке? Все по-старому?

– Мне бы местечко письмоводителя, – сказал Макаронов, хитрыми глазами поглядывая на адвоката, – по письменной части.

Адвокат засмеялся.

– А простой вы, хороший народ, в сущности! Славные людишки. Ты что же сейчас: за мной, конечно?

– Местечко бы, – упрямо сказал Макаронов.

– Елизавета, выпусти нас!

Вышли вместе.

– Ну, я в эту сторону! – сказал адвокат. – А ты куда?

– Мне сюда. В обратную сторону.

Макаронов подождал немного и потом, опустив голову, опечаленный, поплелся за Маныкиным. Он потихоньку, как тень, крался за адвокатом, и единственное, что тешило его, это что адвокат его не замечает.

Адвокат приостановился и спросил, обернувшись вполоборота к Макаронову:

– Как ты думаешь, этим переулком пройти на Московскую ближе?

– Ах, как это странно, что мы встретились! – с искусно разыгранным изумлением воскликнул Макаронов. – Я было решил идти в ту сторону, а потом вспомнил, что мне сюда нужно. К тетке зайти.

«Ловко это я про тетку ввернул», – подумал, усмехнувшись внутренне, Макаронов.

– Ладно уж. Пойдем рядом. А то, смотри, еще потеряешь меня...

– Нет ли у вас места письмоводителя? – спросит Макаронов.

– Ну и надоел же ты мне, ваше благородие! – нервно вскричал адвокат. – Впрочем, знаешь что? Я как будто устал. Поеду-ка я на извозчике.

– Поезжайте! – пожал плечами Макаронов («Ага, следы хочет замести. Понимаем-с!»). – А я тут к одному приятелю заверну.

Маныкин нанял извозчика, сел в пролетку и, оглянувшись, увидел, что Макаронов нанимает другого извозчика.

– Эй! – закричал он, высовываясь. – Как вас?.. Письмоводитель. Пойди-ка сюда! Хочешь, братец, мы экономию сделаем?

– Я вас не понимаю, – солидно возразил Макаронов.

– Чем нам на двух извозчиков тратить, поедem на одном. Все равно ты ведь от меня не отвяжешься! Расходы пополам. Идет?

Макаронов некоторое время колебался, потом пожал плечами и уселся рядом, решив про себя: «Так даже, пожалуй, лучше! Можно что-нибудь от него выведать».

– Ужасно тяжело, знаете, быть без места, – сказал он с напускным равнодушием. – Чуть не голодал я. Вдруг вижу ваше объявление в газетах насчет письмоводителя. Дай, думаю, зайду.

Адвокат вынул папиросу.

– Есть спичка?

– Пожалуйста! Вы что же, адвокатурой только занимаетесь или еще чем?

– Бомбы делаю еще, – подмигнул ему адвокат.

Сердце Макаронова радостно забилося.

– Для чего? – спросил он, притворно зевая.

– Мало ли... Знакомым раздаю. Послушайте!.. У вас борода слева отклеилась. Поправьте. Да не так!.. Ну вот, еще хуже сделали! Давайте, я вам ее поправлю! Ну, теперь хорошо. Давно в охранном служите?

– Не понимаю, о чем вы говорите, – обиженно сказал Макаронов. – Жил я все время у дяди – дядя у меня мельник, а теперь место приехал искать. Может, дадите бумаги какие-нибудь переписывать или еще что?

– Отвяжись, братец, надоел!

Макаронов помолчал.

– А из чего бомбы делаете?

– Из манной крупы.

«Хитрит, – подумал Макаронов, – скрывает. Проговорился, а теперь сам и жалеет».

– Нет, серьезно, из чего?

– Заходи, рецептик дам.

II

Подъехали к большому дому.

– Мне сюда. Зайдешь со мной?

Понурившись, мрачно зашагал за адвокатом Макаронов.

Зашли к портному.

Манькин стал примерять новый жакет, а Макаронов сел около брошенного на прилавок адвокатом старого пиджака и сделал незаметную попытку вынуть из адвоката кармана лежавшие там письма и бумаги.

– Брось, – сказал ему адвокат, глядя в зеркало. – Ничего интересного. Как находишь, хорошо сидит жакет?

– Ничего, – сказал шпик, пряча руки в карманы брюк. – Тут только как будто морщит.

– Да, в самом деле морщит. А жакет как?

– В груди широковат, – внимательно оглядывая адвоката, сказал Макаронов.

– Спасибо, братец! Ну, значит, вы тут что-нибудь переделаете, а мы поедем.

После портного адвокат и Макаронов поехали на Михайловскую улицу.

– Налево, к подъезду! – крикнул адвокат. – Ну, милый мой, сюда тебе не совсем удобно за мной идти. Семейный дом. Ты уж подожди на извозчике.

– Вы скоро?

– А тебе-то что? Ведь ты все равно около меня до вечера.

Адвокат скрылся в подъезде. Через пять минут в окне третьего этажа открылась форточка и показалась адвокатская голова.

– Эй, ты!.. Письмоводитель! Как тебя? Поднимись сюда, в номер десятый, на минутку!

«Клюет», – подумал радостно Макаронов и, соскочив с извозчика, вбежал наверх.

В переднюю высыпала встречать его целая компания: двое мужчин, три дамы и гимназист.

Адвокат тоже вышел и сказал:

– Ты, братец, извини, что я тебя побеспокоил! Дамы, видишь ли, никогда не встречали живых шпигов. Просили показать. Вот он, mesdames! Хорош?

– А борода у него, что это... Привязанная?

– Да, наклеенная. И парик тоже. Поправь, братец, парик! Он на тебя широковат.

– Что, страшно быть шпигом? – спросила одна дама участливо.

– Нет ли места какого? – спросил, делая простодушное лицо, Макаронов. – Который месяц я без места.

– Насмотрелись, господа? – спросил адвокат. – Ну, можешь идти, братец! Спасибо! Подожди меня на извозчике. Постой, постой! Ты какие-то бумажки обронил. Забери их, забери!.. А теперь иди!

Когда адвокат вышел на улицу, Макаронова не было.

– А где этот фрукт, что со мной ездит? – спросил он извозчика.

– А тут за каким-то бородастым побег.

– Этого еще не доставало. Не ждать же мне его тут, на морозе.

Из-за угла показалась растрепанная фигура Макаронова.

– Ты где же это шатаешься, братец? – строго прикрикнул Маныкин. – Раз тебе поручили за мной следить, ты не должен за другими бегать. Жди тебя тут! Поправь бороду! Другая сторона отклеилась. Эх, ты!.. На что ты годишься, если даже бороды наклеить не умеешь. Отдери ее лучше да спрячь, чтобы не потерялась. Вот так! Пригодится. Засунь ее дальше, из кармана торчит. Черт знает что! Извозчик, в ресторан «Слон»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.